

Мешков Александр Николаевич

**ПРОТОКОЛЫ ВОЙСКОВЫХ КОМИТЕТОВ
XI АРМИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА (МАРТ 1917 – ФЕВРАЛЬ 1918 Г.):
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Работа выполнена на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент Румянцева Марина Федоровна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Бородин Леонид Иосифович

доктор исторических наук, профессор Середа Надежда Владимировна

Ведущая организация

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Защита состоится «23» сентября 2011 г. в 12-00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.198.07 при ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125993, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет».

Автореферат разослан «12» ноября 2011 г.

Ученый секретарь
совета по защите
докторских и кандидатских
диссертаций

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА РГУ

0000688377

Волкова Т.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Потребность в специальном источниковедческом исследовании такого большого и важного корпуса источников, как протоколы войсковых комитетов российской армии 1917–1918 гг., давно назрела.

Во-первых, огромный интерес представляют войсковые комитеты как органы революционного самоуправления в армии. Войсковые комитеты, более известные под неточным наименованием солдатских комитетов, представляют собой своего рода символ революции на фронте. С одной стороны, комитеты стали новыми органами самоуправления, осуществлявшими часть властных функций в полку. С другой стороны, с появлением комитетов старая система управления – строевая – продолжила своё существование рядом с первой. Если «двоевластие» в центральных органах власти стало общим местом публицистики и историографии уже в 1917 г., то о механизмах реализации такового в действующей армии мы знаем сравнительно мало. Между тем важнейшим источником по проблеме войсковых комитетов является их делопроизводственная документация, и прежде всего – протоколы их заседаний.

Во-вторых, делопроизводственная документация комитетов представляет интерес сама по себе. «Двоевластная» система управления не могла не оказать влияния на делопроизводственные источники как таковые, благодаря чему привычные нам разновидности источников могли выполнять совсем не привычные функции. Каждая разновидность делопроизводственного источника в системе управления войсковых комитетов может нести в себе источниковедческую загадку в виде неожиданного сочетания самоназвания источника, его структуры и реализуемых им функций. Наконец, взрывной характер появления и развития комитетской сети и, соответственно, комитетского делопроизводства, требует ответа об источниках источника, образцах, по которым составлялась комитетская документация.

Степень изученности проблемы. Как таковые протоколы войсковых комитетов специальному источниковедческому исследованию не подвергались, поэтому изученность проблемы должна быть представлена в контексте изучения источников революционного периода, с одной стороны, и делопроизводственных источников коллегиальных органов – с другой.

Источниковедческое изучение комплекса источников, оставленных революцией, начинается в 1926 г. со статьи С. Пионтковского¹. До этого происходит лишь активное, но несистематичное расширение источниковой базы, в процессе которого годом ранее публикуется ставший на долгие годы уникальным сборник документов «Разложение армии в 1917 году»².

В связи с изменением идеологического климата в конце 1920-х гг. серьёзные разыскания в области источниковедения революции возобновляются только во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. рядом масштабных документальных публикаций³. Последующие десятилетия характеризуются формированием двух основных подходов к массовым источникам, под которые в любом случае попадают протоколы войсковых комитетов. Согласно Б.Г. Литваку, принадлежность источника к массовым следует из его собственных структуры, функций и особенностей бытования. Согласно Д.И. Ковальченко, отнесение источника к массовым следует из потребностей исследователя в информации о массовых явлениях: массовым является тот источник, который такую информацию предоставляет.⁴ Различие двух подходов не ограничивается спецификой массовых источников (в любом понимании) и выводит на две различные модели источника: 1) источник как система, обладающая независимыми от исследователя структурой и функциями; 2) источник как контейнер для множества дискретных данных.

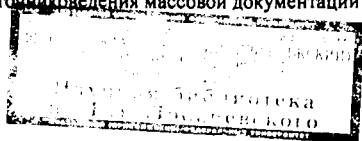
Первая модель реализуется в комплексном источниковедческом анализе, нашедшем своё применение и в анализе документов коллегиальных органов. Из трёх десятков проанализированных работ, посвящённых протоколам и журналам коллегиальных органов, особо выделим работы Л.В. Борисовой и Н.Н. Покровского о

¹ *Пионтковский С.* К вопросу об изучении материалов по истории Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1926, №2 (49). С. 234–243.

² *Разложение армии в 1917 году* / Подгот. к печати Н.Е. Какуриным с предисловием Я.А. Яковлева. М.-Л., 1925. 191 с. Основной площадкой для документальных публикаций был журнал «Красный архив».

³ *Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март–ноябрь 1917 г.): Сб. док. и мат.* / под ред. Н.Р. Дония, П.И. Павлюка, В.С. Федорченко. Киев, 1957. 980 с. *Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине: февраль 1917 – апрель 1918: Сб. док. и мат.* / под ред. С.М. Королевского. Киев, 1957. В 3 т. *Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы* / гл. ред. А.Л. Сидоров. М., 1957–1963. [В 9 т.]

⁴ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003. 486 с. *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. 293 с.

протоколах центральных органов советской власти и коммунистической партии и Н.В. Середы о журналах магистратов XVIII в.⁵

Вторая модель служит базой как для широко распространённого неотрефлексированного «информационного» подхода, так и для дальнейшей методологической рефлексии. Модель развивается от множества случайных данных к множеству формальных или формализуемых параметров, по которым характеризуется каждый источник, фрагмент источника или фрагмент прошлой действительности. Формализация данных позволяет перейти от неупорядоченного использования отдельных «известий» к подсчёту и дальнейшей математической обработке данных, объединённых как значения одного параметра для разных объектов или экземпляров объекта – количественному методу. (Особенность модели источника позволяет отвергнуть сомнения в правомерности применения термина «метод» к количественному методу.) Изучение протокольной документации при помощи количественных методик начинается со статьи В.З. Дробижеева 1965 г. о статистической обработке протоколов ВСНХ и успешно продолжается в последующие десятилетия⁶. Подробный обзор статистических методик, применяемых в историографии, дан в монографии Л.И. Бородкина о многомерном статистическом анализе⁷.

⁵ *Борисова Л.В.* Протоколы Президиума ВСНХ (1917–1920 гг.) (опыт источниковедческого анализа) // Исторические записки. М., 1988. Т.116. С. 228–255. *Борисова Л.В.* Протоколы Президиума ВСНХ РСФСР как исторический источник (1917–1920 гг.): Дисс. ... к.и.н. М., 1985. 186 с. *Покровский Н.Н.* Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 18–46. *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М., 2004. 446 с.

⁶ *Дробижеев В.З.* Методика статистической обработки протоколов ВСНХ (1917–1929 годы) // Вестник МГУ. Серия Исторические науки. 1965, №6. С. 70–92. *Балтина А.Ю.* Методика анализа протоколов сессий сельских Советов Урала в 1946–1958 гг. // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства: Сб. научных трудов / отв. ред. Т.И. Славко. Свердловск, 1991. С. 82–94. *Мазур Л.Н.* Протоколы общих собраний колхозников как источник по истории крестьянства (методика анализа) // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства: Сб. научных трудов / отв. ред. Т.И. Славко. Свердловск, 1991. С. 95–113.

⁷ *Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986. 187 с.

Наиболее активно в советский период, однако, разрабатываются не протоколы и журналы, а родственные им источники, прежде всего приговоры сельских сходов⁸ в связи с масштабным проектом изучения крестьянского движения в революцию 1905–1907 гг.

В это же время возобновляется изучение революции в армии, начатое в 1920-х гг. Н.В. Крыленко, Я.А. Яковлевым, М.Н. Покровским, С.Е. Рабиновичем и др.⁹ Однако собственно источниковедческая проблематика делопроизводства войсковых комитетов как важнейшего революционного органа в армии почти не поднимается. Серьезную источниковедческую составляющую содержит только монография В.И. Миллера о войсковых комитетах¹⁰. Параллельно продолжается активная археографическая и публикаторская работа, переходящая от более масштабных к более узким темам, в том числе к деятельности отдельных органов – войсковых и военно-революционных комитетов¹¹. Тематика военных комитетов и революции в армии затрагивается также в работах, выполненных в рамках военной истории¹².

⁸ Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. 398 с. Ганелин Р.Ш. Петиции эстонских, латвийских и литовских крестьян по указу 18 февраля 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Вып. XVIII. С. 195–208. Кабанов В.В. Документация сельского схода в первые годы Советской власти (1917–1920) // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1987. С. 113–123. Нильве А.И. Приговоры и наказания крестьян во II Государственную думу // История СССР. 1975, №5. С. 99–109. Ганелин Р.Ш. Петиции по указу 18 февраля 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Вып. XX. С. 150–163. Л., 1990. Вып. XXI. С. 119–136. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. Т. I, Т. II. М., 1994. 428 с. Трехбратов Б.А. О статистическом изучении приговоров и наказов крестьян в I Государственную думу (на примере степного Предкавказья) // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1981. М., 1982. С. 131–144.

⁹ Крыленко Н. Февральская революция и старая армия // Пролетарская революция. 1927, №2–3 (61–62). С. 240–251. Покровский М.Н. Большевики и фронт в октябре–ноябре 1917 г. // Красная новь. 1927, кн. 11. С. 157–170. Рабинович С.Е. Борьба за армию в 1917 г.: Очерки партийно-политической борьбы и работы в армии в 1917 году. М.–Л., 1930. 160 с. Яковлев Я. Армия перед Октябрем. (Из книги "К истории Октябрьской революции") // Красная новь. 1924, №7–8 (24–25). С. 241–258.

¹⁰ Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974. 319 с.

¹¹ Военно-революционные комитеты действующей армии (25 октября 1917 г. – март 1918 г.) / отв. ред. Л.М. Гаврилов, И.Г. Тишин. М., 1977. 658 с. Войсковые комитеты действующей армии: Март 1917 – март 1918 г. / отв. ред. Л.М. Гаврилов. М., 1982. 607 с.

¹² Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003. 304 с. Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война: дискуссионные проблемы

В настоящий момент представляются актуальными несколько теоретико-методологических установок, которые могут найти применение в анализе протоколов войсковых комитетов.

Первый подход заключается в расширении исследовательского инструментария и изменении позиции за счёт средств, открытых гуманитаристике лингвистическим поворотом. Внимание исследователей переносится на язык и другие системы символов, которыми оперируют люди прошлого. С одной стороны, то, как говорится о том или ином предмете, позволяет добыть новую информацию из источника. С другой стороны, знаковые системы, как выясняется, не только сохраняют пользовательскую информацию, но и в известной мере задают саму эту информацию. Исходя из этих позиций в последние десятилетия разрабатывается история революции в зарубежной и, отчасти, отечественной историографии. Выделим работы О. Файджеса, Б. Колоницкого, Ш. Фицпатрик и др. о языке и семиотике революции, а также С.В. Ярова непосредственно о протоколах советских коллегиальных органов¹³. Работы С.В. Ярова, однако, выявляют существенную проблему применения дискурсивной установки к документам с устойчивым формулярам, и в частности к протоколам: исследователь вынужден выбирать протоколы тех органов, которые вели их наиболее подробно и включали в текст изложение выступлений, что не является неотъемлемым атрибутом протокола даже по современным нормативам¹⁴.

Вторая актуальная установка заключается в применении к делопроизводственным источникам формулярного анализа – метода, разработанного

истории. М., 1994. С. 153–165. *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. 388 с.

¹³ *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven – London, 1999. VIII+198 p. *Figes O.* The Russian Revolution of 1917 and its Language in the Village // *The Russian Revolution: The Essential Readings* / Ed. by Martin A. Miller. Oxford, 2001. P. 73–103. *Fitzpatrick Sh.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *The Russian Revolution: The Essential Readings* / Ed. by Martin A. Miller. Oxford, 2001. P. 206–235. *Яров С.В.* Протоколы районных собраний организаторов коллективов РКП(б) как источник для изучения настроений рабочих Петрограда в 1921 г. // Россия в XX веке: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора Валерия Александровича Шишкина / отв. ред. Ковальчук В.М. СПб., 2005. С. 382–391. *Яров С.В.* Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб., 2009. 430 с.

¹⁴ Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации. Приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 536 г. Москва О Типовой инструкции по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти. М., 2005.

и апробированного в дипломатике. Первым в отечественной науке систематизировал формулярный анализ А.С. Лаппо-Данилевский, описавший формуляр как последовательность клаузул. Следующий этап в развитии метода связан с именем С.М. Каштанова, заменившего линейную последовательность иерархическим деревом статей, предложений, оборотов, характеристик, элементов¹⁵. Хотя С.М. Каштанов настаивает на специфичности формулярного анализа для актовых источников, в литературе существуют примеры удачного использования формулярного анализа и для других источников с устойчивым формуляром, включая письма, берестяные грамоты, записи и надписи на книгах, летописные статьи, записные книги¹⁶. Представляется разумным распространение метода на протокольную документацию, что явно и неявно делается исследователями¹⁷.

Важное направление в развитии формулярного анализа – автоматизация исследовательских процедур с использованием реляционных баз данных¹⁸ или языков

¹⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. М., 2007. 283 с. *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. 502 с. *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. 230 с.

¹⁶ *Гимон Т.В.* Опыт формулярного анализа летописных известий о церковном строительстве (Новгород, XII – начало XIII века) // *Ad fontem* / У источника: Сб. ст. в честь С.М. Каштанова / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2005. С. 187–204. *Зализняк А.А.* Палеография берестяных грамот и их внеэпиграфическое датирование // *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.): Палеография берестяных грамот и их внеэпиграфическое датирование* / Янин В.Л., Зализняк А.А. М., 2000. С. 134–429. *Зиновьева Е.И.* Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: Структура. Лексика. Фразеология. СПб., 2000. 240 с. *Сметанин В.А.* Византийское общество XIII–XV вв. (по данным эпистографии). Свердловск, 1987. 288 с. *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. 414 с. *Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. 438 с.

¹⁷ *Борисова Л.В.* Протоколы Президиума ВСНХ (1917–1920 гг.) (опыт источниковедческого анализа) // *Исторические записки*. М., 1988. Т.116. С. 228–255. *Тюрина Е.А.* Источники по истории планирования сельского хозяйства. 1921–1925 гг. (По материалам Госплана СССР и Наркомзема РСФСР): Дисс. ... к.и.н. М., 1991. 275 с.

¹⁸ *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. Гёттинген, 1994. 214 с. *Петров А.Н.* Материалы дебатов Государственной думы первого созыва (нетрадиционные методы источниковедческого анализа). Специальность 07.00.09: Автореферат дис. ... к.и.н. М., 1995. 26 с. *Петрова О.С.* Методы изучения массовых данных мат. Археологических съездов (1864–1914). Специальность 07.00.09: Дисс. ... к.и.н. М., 2005. 263 с. *Филиппов Ю.М.* Методы изучения состава выборщиков во II Государственную думу по материалам выборного делопроизводства. Специальность 07.00.09: Дисс. ... к.и.н. М., 2004. 191 с.

разметки (прежде всего, но не исключительно, XML)¹⁹. Реляционная теория данных наиболее полно изложена в известной работе К. Дейта²⁰.

Наряду с важными преимуществами применительно к источникам с устойчивым формуляром, формулярный анализ на сегодняшний день имеет существенный недостаток, связанный с представлением о грамматической природе значения, неявно принимаемой теоретиками формулярного анализа²¹. Между тем структурно-системная модель языка не смогла построить модель грамматической единицы, большей чем предложение (так называемое сверхфразовое единство), что вынуждало дипломатистов самих искать основания для выделения клаузул или статей. Наиболее ясно эти основания были ещё в 1916 г. представлены В.И. Веретенниковым, прямо сопоставившим клаузулу и совершение *действия*, однако между грамматической природой элементарных единиц и деятельностной природой клаузул или статей оставался зазор.

Эффективным средством преодоления разрыва между природой значения элементарных и крупных единиц формулярного анализа представляются достижения последних десятилетий в области прагматической и когнитивной лингвистики. Попытки преодолеть ограничения системно-структурной модели языка начинаются не позднее 1940-х гг. и вскоре приводят к первым успехам: обнаружению перформативных глаголов Дж.Л. Остином и созданию, под известным влиянием идей

¹⁹ Замоздра Г.Н., Сапожников А.И. Источниковедческий анализ духовных грамот московских князей XIV века: опыт применения технологий XML // Вестник Челябинского государственного университета. №41 (179). С. 154–161. Иванов А.С., Варфоломеев А.Г. Технология XML как инструмент компьютерного источниковедения (на примере формулярного анализа документов приказного делопроизводства) // Круг идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики. Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимировой. М., 2005. С. 241–281. Тимофеева Л.А. Райком в системе местного управления в 1920-е годы (на примере источниковедческого изучения фонда Краснопресненского РК РКП(б)/ВКП(б) г. Москвы). Специальность 07.00.09: Дисс. ... к.и.н. М., 2003. 164 с.

²⁰ Дейт К.Дж. Введение в системы баз данных, 8-е изд. М., 2005. 1328 с.

²¹ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. М., 2007. С.143. Веретенников В.И. К вопросу о методах изучения древнерусских частно-правовых актов до-Петровской Руси // Историческое обозрение: Сб. Исторического общества при императорском Петроградском университете. Пг., 1916. Т.21: Сб. ст., посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. С. 10. Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С.174.

Л. Витгенштейна, теории речевых актов²². Создатели теории речевых актов отказываются от рассмотрения изолированных слов и предложений с абстрактными значениями, помещая высказывание в состав речевого действия (акта), состоящего из адресанта, адресата, собственно передаваемых знаков и целей, для достижения которых действие совершается²³. Таким образом, теория речевых актов в своём инструментальном подходе к языку сближается с подходом формулярного анализа, предлагая более надёжные лингвистические основания для проводимого дипломатистами членения акта на составляющие. На основе теории речевых актов проведены успешные исследования, в том числе Х.Ф. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом – структуры дискуссии для принятия решения: типичной ситуации, порождающей протокол заседания²⁴.

Вслед за и наряду с теорией речевых актов возникают концепции, стремящиеся преодолеть монологичность теории речевых актов и чрезмерную концентрацию на элементарных высказываниях, каковые недостатки отмечены А. Вежибицкой и другими исследователями²⁵. Выделим теорию речевых жанров, восходящую к статьям М.М. Бахтина²⁶. Жанроведение / генристика преодолевает недостатки

²² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2008. 287 с. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 79–128. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное / Остин Дж. М., 1999. С. 13–138.

²³ Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 217–237. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170–194. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 195–222. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 151–169. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 131–150. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969. 203 p. Searle J.R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge, 1985. XI+227 p.

²⁴ Еемерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях: Теоретическая модель анализа дискуссий, направленных на разрешение конфликта мнений. СПб., 1994. 239 с.

²⁵ Вежибицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 251–275. Вежибицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. [Вып. 1]. С. 99–111. Dobrzyńska T. Gatunki pierwotne i wtórne. (Czytając Bachtina) // Typy tekstów: Zbiór studiów / Pod red. T. Dobrzyńskiej. Warszawa, 1992. S. 75–80.

²⁶ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи / Бахтин М.М. М., 1986. С. 428–472. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Литературно-критические статьи / Бахтин М.М. М., 1986. С. 473–500.

классической теории речевых актов, акцентируя диалогичность речи и предлагая инструментарий для выделения и анализа крупных фрагментов речи – речевых жанров²⁷. Как и теория речевых актов, теория речевых жанров доказала свою эффективность в изучении заседаний коллегиальных органов, а также делопроизводственной документации. В рамках генристики / жанроведения исследованы протокол допроса (Н.М. Татарниковой), заседание для принятия решения с произносимыми в его рамках речами (Т.В. Анисимовой, Е.Г. Гимпельсон), допетровское делопроизводство (А.Н. Качалкиным)²⁸.

Наиболее ярко перспективы коммуникативного, или прагмалингвистического подхода видны в большой статье А.А. Гиппиуса о новгородских берестяных грамотах²⁹. Переноса фокус внимания с бытовой, или социальной ситуации составления берестяного письма на более узкую коммуникативную ситуацию (ситуацию общения), автор приходит к совершенно новым выводам о функциях берестяных грамот, соотношении устной и письменной речи в общении посредством бересты, а значит, и о новгородском обществе как таковом, которое оказывается значительно более архаичным, чем представлялось ранее. Замена структурной модели языка инструментальной позволяет как придать более прочные семиотические основания формулярному анализу, так и расширить возможности комплексного источниковедческого анализа. Если А.С. Лаппо-Данилевский говорил в своё время об историческом источнике как реализованном продукте человеческой психики³⁰, то сегодня мы можем добавить к этому определению направленность источника на

²⁷ Дементьев В.В. Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации // Жанры речи. Саратов, 1999. [Вып. 2]. С. 31–46. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997, №1. С. 109–121. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Саратов, 1999. [Вып. 2]. С. 52–61. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. Саратов, 1999. [Вып. 2]. С. 13–26. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. [Вып. 1]. С. 88–98.

²⁸ Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): Дисс. ... д.ф.н. Краснодар, 2000. 349 с. Гимпельсон Е.Г. Системные характеристики риторического произведения: Дисс. ... к.ф.н. Волгоград, 1998. 205 с. Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи: В 2 ч. М., 1988. Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи. Иркутск, 2006. 283 с.

²⁹ Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.) / Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. М., 2004. С. 183–232.

³⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: [в 2 т.]. М., 2010. Т. 2. С. 36–37.

другого субъекта – получателя сообщения (интенциональность), в какой модели источник предстаёт в первую очередь не продуктом, а *инструментом* действия.

Методологические основания исследования. В основе методологии исследования – феноменологический источниковедческий метод исторического познания, предполагающий, в том числе, разработку целостных видовых (разновидностных) комплексов исторических источников как социокультурных феноменов, в качестве таковых, а не только через элементы своего содержания, презентующих соответствующую историческую реальность. Основным методом исследования – формулярный анализ, пересмотренный в соответствии с достижениями смежных дисциплин (коммуникативным подходом). Каждый элемент структуры описывается как элемент коммуникативной единицы (речевого жанра), характеризуемой соответствующими параметрами: коммуникативной функцией, адресантом, адресатом, пропозициональным содержанием и проч. Каждый элемент структуры (формуляра) прямо или косвенно связан с коммуникативными параметрами, потому что именно ради успешного выполнения некоего коммуникативного *действия* создаётся не только источник как целое, но и каждая его составляющая, вплоть до элементарной.

Кроме формулярного анализа, закладывающего методологический фундамент и основание работы, используются ряд других методов и методик, которые в данном случае играют роль вспомогательных. Во-первых, речь идёт о текстологическом анализе, эффективном для выявления генетических взаимосвязей наследующих друг другу фрагментов речи. Во-вторых, для выявления подлинников и копий и системы, по которой создавались и распространялись те и другие, используются палеографические методики и техники.

Хронологические рамки работы определяются временем существования войсковых комитетов в действующей армии и, в частности, в XI армии. На Юго-Западном фронте войсковые комитеты появляются во второй половине марта и к началу апреля охватывают подавляющее большинство частей. Это нижняя граница работы. Верхняя граница работы связана с распадом XI армии в январе–феврале 1918 г. Из рассмотрения исключены протоколы военно-революционных комитетов, возникших параллельно войсковым комитетам и заменивших последние (в основном это комитеты соединений), но включены протоколы тех военно-революционных

комитетов, которые представляют собой переименованные войсковые комитеты без разрыва делопроизводственной традиции и часто даже без перевыборов (подавляющее большинство комитетов частей). Военно-революционные комитеты последнего рода (переименованные) не отличали себя от войсковых комитетов, на что указывает и непоследовательность в самоназвании: большинство военно-революционных комитетов отдельных частей через раз продолжают называть себя просто «комитетами».

Объект и предмет исследования. Объект исследования – корпус протоколов войсковых комитетов частей и соединений XI армии за март 1917 – февраль 1918 г. Все материалы хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фондах частей, соединений и объединений. Всего обследованы несколько десятков фондов, материалы 28 из них привлечены в качестве источников.

Небольшая часть протоколов опубликована в документальных сборниках (в основном советского периода), посвящённых революции 1917 года, революции в армии и непосредственно войсковым комитетам. Однако документы в эти сборники отбирались по тематическому принципу (для описания той или иной темы в рамках общей тематики революции), в результате чего пропорциональное соотношение затрагиваемых тем в сборниках и в архивных комплексах существенно различаются, а текст искажается (в частности, удаляются оригинальные заголовки).

Предметом исследования является протокол войкового комитета как элемент системы управления и делопроизводства (коммуникации) российской армии, каковой угол зрения позволяет наиболее полно раскрыть его информационные возможности.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – выявление видовых характеристик³¹ протоколов войсковых комитетов (частей и соединений XI армии) как важнейшего источника по истории социально-политических изменений в армии 1917 г. как части российского общества. Достижение этой цели требует решения двух задач. Первая задача – выявление структуры источника в контексте коммуникации войкового комитета. Эта задача разбивается на две подзадачи. Первая подзадача – выявление важнейших структурных элементов так называемой основной части протокола. Вторая подзадача – выявление структуры начальной и конечной частей

³¹ Термин «видовые характеристики» означает особенности протокола как вида или разновидности исторического источника и используется за неимением специального термина «разновидностные характеристики».

протокола и общей структуры протокола. Необходимость раздельного исследования структуры основной части и обрамляющих её начальной и конечной частей показана по ходу работы. Вторая задача – выявление функций источника. Функции источника могут быть поняты двояко, в связи с чем вторая задача также распадается на две подзадачи. Первая подзадача – выявление функций и тематики отдельных постановлений как самостоятельных элементов коммуникации. Вторая задача – определение функций протокола как целого. Решение всех поставленных задач позволяет определить место и роль протокола в системе управления революционной армией 1917–1918 гг.

Источниковая база исследования. Протокол заседания является основным документом войскового комитета. Поскольку войсковых комитетов в действующей армии существовало несколько десятков тысяч, все или подавляющее большинство их вели протоколы или журналы заседания и значительная их часть сохранилась, главная проблема в работе с протоколами заключается в отборе источников. При этом мы руководствовались следующим принципами.

Во-первых, как основной источник исследовались только протоколы общевойсковых комитетов, их руководящих органов и общих собраний частей. Протоколы органов, ограниченных какой-либо сферой деятельности (комиссий, кружков), социальным или национальным составом избирателей (крестьянских советов, украинских рад – кроме украинизированных частей, мусульманских шуро), партийных организаций были исключены.

Во-вторых, было решено не делать выборку по всей действующей армии, а выбрать единый архивный комплекс, ядро которого можно было бы изучить в ограниченный период времени. Таким комплексом стали протоколы комитетов XI армии. Полностью без выборки обойтись не удалось (протокольный комплекс достаточно объёмен), но, учитывая существенные различия между единицами следующего уровня войсковой иерархии – корпусами, – армия представляется минимальной единицей, в которой как в модели может быть представлена вся действующая армия (т.е. все воюющие вооружённые силы страны).

Выбор XI армии объясняется её нахождением на одном из двух южных фронтов – Юго-Западном. В виду удалённости от революционных центров южные фронты исследованы слабее Северного и Западного. Более важно, однако, то, что

процесс создания и функционирования комитетов здесь протекал иначе, чем на Севере – в тесном взаимодействии со строевым начальством, что ранее почти не исследовалось. Из всех армий Юго-Западного и Румынского фронтов XI армия привлекает внимание своей величиной, что облегчает её использование в качестве модели, отсутствием осложняющего фактора в виде расположения на чужой (румынской) территории в окружении чужого населения, что характерно для Румынского фронта, и связью с делопроизводственной традицией комитетов соседней Особой армии, что позволяет на материале одной армии представить фактически две.

Всего исследованию подвергнуты 1287 протоколов заседаний войсковых комитетов. В качестве дополнительных источников привлекались протоколы частей и соединений других армий (прежде всего, Особой), другие документы комитетского делопроизводства (воззвания, постановления, переписка), документы строевого делопроизводства (переписка, приказы, приказания и объявления), протоколы других коллегиальных организаций (военно-революционных комитетов, офицерских собраний, земских организаций, политических партий), нормативные акты (Свод военных положений 1869 г., частные положения офицерских собраний).

Научная новизна исследования.

Во-первых, в исследовании даётся системная характеристика видового (разновидностного) комплекса источников, чего в отношении протоколов войсковых комитетов ранее не делалось, причём большинство источников впервые вводятся в научный оборот.

Во-вторых, делопроизводственные источники в работе подвергаются формулярному анализу, более распространённому в дипломатике и применительно к делопроизводству XX в. в эксплицитной (явной) форме применявшемуся нечасто, а сам формулярный анализ подвергается модернизации в целях расширения его возможностей при помощи полученных в последние десятилетия достижений других отраслей гуманитарного знания (прагматической лингвистики).

Наряду с исследованием ранее не изученного, но важного для понимания революции корпуса источников, работа представляет собой апробацию метода на конкретном материале. Применение коммуникативного подхода позволило выявить две основные модели протокола, на которые ориентировались протоколисты

войсковых комитетов, объяснить диспропорцию между применением той и другой в делопроизводственной практике, впервые поставить проблему функций протокола заседания войскового комитета и предложить её решение.

Таким образом, новизна диссертационного исследования проявляется в двух сферах: 1) эвристической; 2) методологической.

Практическая значимость исследования определяется его научной новизной.

Во-первых, впервые введённые в научный оборот, систематизированные и источниковедчески описанные источники могут послужить основой для дальнейших научных разысканий в области революции в армии, а также для учебных курсов высшей школы по той же тематике.

Во-вторых, апробированная на протоколах войсковых комитетов корректировка формулярного анализа может быть распространена на другие делопроизводственные источники, что должно позволить выявить новые информационные пласты в уже известных источниках и, возможно, пересмотреть те или иные устоявшиеся взгляды в соответствии с вновь открывшимися методологическими возможностями.

Апробация работы. Текст диссертации дважды обсуждался на заседаниях кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ. Основные результаты исследования были представлены автором на научных конференциях: «Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология историн в системе гуманитарного знания» (междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 фев. 2008 г.), «Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин» (междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г.), «Социокультурные коммуникации и гуманитарное знание» (в рамках Гуманитарных чтений РГГУ, 1 апр. 2011 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структура работы соответствует поставленным цели и задачам. Диссертационное исследование состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения. Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется историография,

определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, обосновывается отбор источников и кратко характеризуется выявленный корпус источников, а также определяются методологические основания работы.

Глава 1 «*Элементы структуры основной части протокола войскового комитета: от вопроса к постановлению*» посвящена процессу преобразования вопроса в постановление в ходе заседания комитета и его отображению в протоколе.

В параграфе 1 «*Теоретико-методологические основания исследования протоколов коллегиальных органов*» развиваются теоретико-методологические основания, заданные во введении. Теоретической базой для исследования протоколов войсковых комитетов является концепция первичных и вторичных речевых жанров, причём и протокол, и устное заседание понимаются как два речевых жанра, один из которых является первичным, другой – вторичным. Задаётся схема анализа протокола как речевого жанра.

Параграф 2 «*Зарождение, развитие и гибель системы войсковых комитетов*» вводит исследование в исторический контекст. В отличие от тыла и северных фронтов фронта, инициатива создания комитетов в XI армии принадлежит, как правило, командному составу. Зарождаясь в марте–апреле 1917 г., система комитетов стабилизируется к середине лета и существует в стабильном состоянии до середины–конца осени, после чего разрушается в ходе конкуренции с альтернативными выборными организациями и ускорения общего распада армии. Комитетская сеть перестаёт существовать в январе–феврале 1918 г., когда части и соединения XI армии демобилизуются и уходят на места мирных стоянок.

Следующие параграфы посвящены собственно анализу тех элементов структуры протокола и заседания, в ходе которых вопрос превращается в постановление. Рассмотрение этого процесса начинается с параграфа 3 «*Вопрос*», посвящённого важнейшему элементу структуры протокола и состоящему из нескольких из пунктов.

Важнейшая составляющая вопроса – пропозициональное содержание, или тема вопроса рассматривается в первом пункте «*Пропозициональное содержание вопроса и его изложение*». Структура пропозиционального содержания в вопросах протоколов бывает, с одной стороны, субстантивной и предикативной, с другой – полной и краткой (только субъект или только предикат). Вторая классификация более удобна

источниковедчески. Из особенностей структуры пропозиционального содержания вопросов делается вывод о необходимом разъяснении формулировки перед началом обсуждения вопроса.

Следующий пункт *«Адресант и адресат вопроса»* посвящён соответствующим параметрам вопроса. Адресант и адресат обычно не указываются в вопросе протокола комитета, что указывает на то, что тот и другой параметры имеют стабильные значений по умолчанию. Помимо этого, в вопросе может эксплицироваться адресант иницирующего акта, если извещение о решении адресуется вовне обычного круга адресатов протокола или адресант фигурирует в составе субъекта или предиката пропозиционального содержания, и адресат постановления, если инициатор вопроса не доверяет комитету выбрать адресата самостоятельно.

Наряду с классификацией вопросов по структуре пропозиционального содержания, вопросы по наличию или отсутствию изложения пропозиционального содержания делятся на вопросы со стандартной и нестандартной структурой соответственно. Эта тема рассматривается в пункте *«Вопросы со стандартной и нестандартной структурой»*. В протоколах войсковых комитетов распространён только один тип вопросов с нестандартной структурой: показатель коммуникативной функции иницирующего акта или его наименование + указание адресанта иницирующего акта.

В параграфе 4 *«Доклад по вопросу»* исследуется доклад по вопросу, или основное выступление, имеющее целью дополнить формулировку вопроса и тем самым обеспечить принятие решения. Важная особенность заседаний войсковых комитетов – отсутствие осмысления доклада как обязательной составляющей заседания, притом что, как показывает анализ формулировок вопросов, те или иные разъяснения в большинстве случаев должны были присутствовать. Выявлено две базовые разновидности докладов: регулярный и автономный. Регулярный доклад – дополнение к формулировке вопроса, логически следующее за ней и в войсковых комитетах обычно неотрефлексированное. Автономный доклад, напротив, логически предшествует вопросу и всегда явно упоминается в протоколах. Наряду с этим доклады в заседаниях войсковых комитетов классифицируются по адресантам. Выделяются доклады комиссий и доклады делегаций.

Параграф 5 «*Вопросы и предложения*» вводит в исследование новый элемент структуры протокола – предложение – и сопоставляет его с вопросом.

Выделяются предложения двух разновидностей. В первом пункте «*Проект коммуникативной функции*» рассматривается предложение, проектирующее коммуникативную функцию постановления (должно ли постановление быть предписанием, прощением и т.д.). Проект коммуникативной функции постановления эксплицируется в вопросе, если связь комитета с темой вопроса неочевидна, а сам вопрос не сводится к чтению описательного доклада. Важным выводом является то, что проектируются в вопросах не те функции, которые более всего распространены в уже принятых постановлениях.

В следующем пункте «*Проект пропозиционального содержания постановления*» показывается, что в заседаниях войсковых комитетов может проектироваться не только функция, но и пропозициональное содержание постановления – в формулировке вопроса или в специальном проектном докладе. Изложение проектного доклада в протоколе приводит к разрушению единства постановления, место которого занимают изложение предложения и формула принятия, причём ни то, ни другое постановлением в отдельности не является.

В параграфе 6 «*Прения*» даётся краткая характеристика прений в заседании войкового комитета и их отображение в протоколе, причём выясняется, что в подавляющем большинстве протоколов развёрнутого и последовательного описания прений нет.

Двигаясь от вопроса через доклад, предложение и прения, в параграфе 7 «*Постановление. Расширенное постановление*» переходим к анализу постановлений. Первый пункт «*Постановление*» посвящён собственно постановлению, причём выясняется, что минимальная структура постановления отличается от минимальной структуры вопроса. Последнее объясняет частое использование в постановлениях перформативных формул («комитет постановил»), подчёркивающих действие постановления и вместе с тем повысить неопределённость его коммуникативной функции.

Постановление в протоколе войкового комитета служит ядром целой агломерации элементов структуры, что рассматривается в следующем пункте «*Расширенное постановление*». Самая тесная связь в заседании и протоколе

существует между вопросом и постановлением, что анализируется в подпункте «Постановление и вопрос». Связь между элементами расширенного постановления осуществляется двумя способами: строго пространственно (локальная связь) и при помощи речевых (грамматических) средств. Локальная (неречевая) связь при использовании визуальных средств тяготеет к подчёркиванию логической связи вопроса и постановления как семантических субъекта и предиката (темы и ремы). Использование грамматических средств подчёркивает значение синтаксического субъекта (деятеля, комитета) как посредника в деле преобразования вопроса в постановление.

Во втором подпункте «Постановление и аргументация» исследуются основания, опираясь на которые выносится постановление комитета. Во избежание тождественности постановления вопросу, постановление как формальный вывод должно быть дополнено ещё как минимум одной посылкой. Это аргументация постановления, бывающая двух разновидностей: логическая (явная) и коммуникативно-хронологическая (неявная). Логическая аргументация вводится посредством доклада (выводы доклада рассматриваются как вторая посылка) или изложения прений. Наряду с этим расширенное постановление часто включает подэлементы, которые не могут служить целям логической аргументации. Эти подэлементы определяются как коммуникативно-хронологическая аргументация.

В целом первая глава представляет собой поэтапный анализ последовательности речевых жанров в составе заседания, служащих для получения постановления из вопроса (принятия решения), и особенностей отображения этой последовательности в протоколе. В ходе исследования выяснены следующие особенности представления коммуникативной цепочки в протоколе: концентрация элементов структуры вокруг базовых вопроса и постановления, размывание и фрагментарность изложения прений. Само заседание оказывается слабо структурированным (в сравнении с современными неориторическими представлениями), так что даже такая важная составляющая заседания, как основное выступление по вопросу, в представлении членов комитетов не является обязательным самостоятельным жанром.

Получив необходимые данные о процессе преобразования вопроса в постановление и его отображении в протоколе, получаем возможность перейти к

синтезу полученных данных в главе 2 «Структурные модели протокола войскового комитета и их реализации». В начале главы задается общая модель протокола, состоящая из основной части, вспомогательных элементов структуры самого протокола и вспомогательных элементов, отсылающих к вспомогательным жанрам заседания.

За характеристикой общей модели следует параграф 1 *«Подлинники и копии протоколов»*, в котором выясняется, какие экземпляры протоколов следует считать подлинниками, какие копиями. Главный вывод заключается в том, что копирование не влияло существенно на структуру протокола, ни, тем более, на его текст, однако в копиях строевых канцелярий замечено стремление упаковать собственно протокол в структуру второго уровня – таблицу, в которой копия протокола более регулярно соотносилась бы с копиями резолюций командира на постановлениях.

Параграф 2 *«Вспомогательные элементы протокола как письменного жанра»* состоит из двух пунктов. В первом пункте *«Заголовок протокола»* выявляются функции заголовка протокола: атрибутивная (определение принадлежности), идентификационная (определение места документа в ряду подобных), инструктивная (минимальная инструкция для правильного прочтения документа). В протоколах заседаний войсковых комитетов функцию инструкции выполняет самоназвание документа.

Во втором пункте *«Удостоверение протоколов»* выявляются особенности удостоверения протокола. В отличие от многих других документов коллегиальных органов, протоколы войсковых комитетов почти всегда подписываются только председателем и секретарём, что указывает на роль последних в войсковом комитете.

От собственных вспомогательных элементов протокола переходим в параграфе 3 *«Вспомогательные жанры заседания и их отображение в протоколе»* переходим к вспомогательным жанрам заседания. Это повествование об открытии заседания, указание состава/числа присутствующих, указание президиума заседания, повествование о закрытии заседания. Начальный блок вспомогательных жанров несёт в протоколе основную нагрузку по обеспечению целостности протокола и реализации его функций в системе делопроизводства и управления. Конечный блок, состоящий из удостоверения и повествования о закрытии заседания, в протоколах имеет гораздо меньшее значение.

Тема параграфа 4 «*Типология устных жанров обсуждения вопроса в заседании*» имеет прямое отношение к выявлению моделей протокола. Устные жанры заседания войскового комитета делятся на два типа: эмпирические и абстрактно-коммуникативные. Вся эмпирика заседания как диалога составляется эмпирическими жанрами. Абстрактно-коммуникативные жанры представляют собой абстракцию, существующую в сознании коммуникантов, что позволяет им появляться в речи по нескольку раз, разными способами и с разной полнотой. Это вопрос и постановление, являющиеся каузальной и финальной причинами созыва заседания.

На этом материале в параграфе 5 «*Модели протокола*» выявляются две модели протокола, используемые протоколистами войсковых комитетов. Первая модель описывается в пункте «Речевой, или постречевой протокол». Элементы структуры речевого протокола восходят к эмпирическим жанрам (репликам заседания-диалога). В действительных протоколах заседаний войсковых комитетов случаев полного следования модели не выявлено, а доля протоколов, ориентирующихся главным образом на постречевую модель, невелика.

Вторая модель рассмотрена в пункте «Неречевой протокол». В общих чертах неречевой протокол описывается в первом подпункте «Соотношение речевого и неречевого протоколов». Неречевой протокол восходит к абстрактно-коммуникативным жанрам заседания: вопросу и постановлению. Как и речевой протокол, неречевой протокол в чистом виде в протоколах заседания войсковых комитетов не встречается: протокол заседания войскового комитета всегда упаковывает элементы структуры в повествовательную оболочку. В целом, однако, модели неречевого протокола следует большинство протоколов войсковых комитетов.

Специфика неречевой модели раскрывается во втором подпункте «Множества и их реализация». Вопросы и постановления, составляющие протокол войскового комитета, рассматриваются как математическое множество. Это объясняет стремление протоколистов отказаться от связного текста при составлении неречевого протокола в пользу списков и таблиц. Списки в неречевых протоколах заседаний войсковых комитетов преобладают: таблица предоставляет больше возможностей для читателя, но требовательна к протоколисту. Список менее удобен для читателя, слабее влияет на организацию текста, но менее требователен к составителю.

В подпункте «Ссылки и нумерация в неречевых протоколах» вскрывается влияние, оказываемое табличным и списочным «языками» на организацию текста протокола. Эффективное использование списка или таблицы предполагает разрушение текстуальных связей между фрагментами текста, прежде всего имплицитных ссылок. Таблица позволяет сократить объём текста за счёт замены эксплицитных ссылок имплицитными. Список, напротив, провоцирует создание собственной системы ссылок при помощи идентификаторов и описаний, особенно если протокол организуется при помощи двух списков: повестки дня и постановлений.

На основании накопленного в первой главе эмпирического материала, во второй главе мы оказываемся в силах перейти от описания комплекса протоколов как недифференцированного комплекса однотипных документов к выделению в нём общей и двух частных моделей организации речи: речевого и неречевого протоколов. Выявлены специфика обеих моделей и те деформации, которые испытывает в результате следования им протоколистом текст протокола как последовательность фрагментов речи. Это шаг исследования позволит нам в последней главе перейти к выявлению тех функций, ради выполнения которых, собственно, и создаётся та или иная структура протокола.

С главы 3 «Тематика и функции постановлений протокола войскового комитета» анализ структуры дополняется анализом функций. Третья глава посвящена постановлениям как самостоятельным коммуникативным единицам в рамках протокола (особенно стремящегося к реализации неречевой модели). Параграф 1 «Функции постановлений» начинается с пункта «Краткая характеристика коммуникативных функций», содержащий краткое описание коммуникативных функций, в основном в соответствии с представлением Дж.Р. Сёрля о речевых актах.

Второй пункт «Функциональная классификация постановлений» посвящён собственно анализу и классификации постановлений по реализуемым им коммуникативным функциям. Основные функции, выполняемые постановлениями, – директивная и репрезентирующая (директив и репрезентатив по Дж.Р. Сёрлю), каждой из которых посвящён отдельный подпункт.

Подпункт «Директивы» состоит из трёх субподпунктов: «Предписания», «Правила», «Декларации: требования, протесты и воззвания», в каждом из которых идёт речь об одной из разновидностей директивной функции, встречающихся в протоколах комитетов. Предписания (прескриптивы) – разновидность директивной функции, использующая для успешной реализации бюрократическую иерархию. Это распоряжения членам комитета, должностным лицам, ходатайства строевому командиру и вышестоящим комитетам и т.п. Правила предполагают зависимость действия от условия и возможность многократного повторения действия. Выявлена связь разновидности правила – конститутивного правила – с распределением деятельности между структурными составляющими комитета (комиссиями). Декларации (в специфическом рабочем понимании термина), в отличие от прескриптивов, выполняются в обход бюрократической машины: комитеты при помощи деклараций требуют у вышестоящих инстанций и вызывают к низшим (как правило). Выявлены отличия структуры внебюрократической коммуникации комитетов от бюрократической: среди прескриптивов преобладают прошения и ходатайства (т.е. направленные снизу вверх по иерархической лестнице), среди деклараций подобной диспропорции не замечается.

В подпункт «Репрезентативы (описания)» определяется место описаний в распорядительной документации. Репрезентативы занимают две ниши: 1) вспомогательная функция предписывающих постановлений, направленная на информирование непосредственных адресатов и слушающих о принятых решениях; 2) объявление, т.е. информирование адресатов о процессах и состояниях, которые интересны адресатам сами по себе. Важнейшая разновидность объявлений – описание результатов произведённых комитетов выборов. Выяснено, что объектом описания, таким образом, в подавляющем большинстве случаев является сам комитет.

В параграфе 2 «*Тематика постановлений*» предлагается прочтение тематики постановлений в коммуникативном плане. К уже известным данным о тематике протоколов войсковых комитетов, полученным В.И. Миллером, добавлены два новых вывода: 1) группы тематических категорий не имеют значимых связей друг с другом, но тематические категории одной группы категорий имеют тенденцию к объединению в одном протоколе; 2) адресация постановлений в значительной мере

обусловлена тематикой, что подтверждает наше предположение о фундаментальной связи тематики и функций постановлений протоколов войсковых комитетов.

В целом третья глава обогащает наши знания о постановлениях войсковых комитетов тремя выводами: 1) комитеты используют две модели коммуникации – посредством бюрократической машины и в обход неё, причём первая модель преобладает; 2) осмысление тематического единства группы вопросов приводит к изменению функции постановлений по этим вопросам (с предписаний на правила); 3) процесс тематической дифференциации постановлений, ведущий к преобразованию собрания комитета в орган санкционирования решений комиссий, в войсковых комитетах не получает завершения.

В главе 4 «Функции протокола войкового комитета в системе управления и самоуправления российской армии» предлагается решение основной проблемы работы о функциях и происхождении протоколов войсковых комитетов.

Параграф 1 «*Состав и финансирование войкового комитета*» развивает исторический контекст, намеченный в начале первой главы (параграф о появлении, развитии и разрушении системы комитетов). В пункте «*Состав войкового комитета*» рассматривается необходимая предпосылка для анализа происхождения протокола комитета – социальный состав органа. Проанализирован единственный регулярно встречающийся показатель – воинское звание и/или должность. Выявлены: 1) неуклонно возрастающее значение в комитетах унтер-офицеров (младшего командного состава), посредничающего между рядовым составом и офицерами; 2) особая роль писарей в первое время существования комитетов на секретарских должностях.

В пункте «*Финансирование комитетов*» анализ личного состава дополняется анализом материального положения и источников финансирования, а значит, экономических зависимостей комитетов. Выяснено, что, несмотря на создание системы самообложения личного состава и нерегулярные коммерческие операции, основным источником финансирования до конца существования комитетов оставались «суммы» воинских частей и соединений, а также доходы солдатских лавок (предприятий торговли предметами солдатской роскоши).

В параграфе 2 «*Происхождение протоколов войсковых комитетов*» анализируются связи протоколов комитетов с другими делопроизводственными

традициями. Выясняется, что единственной традицией, с которой протоколисты были устойчиво связаны, была традиция строевого делопроизводства. Однако строевое делопроизводство содержало очень небольшое количество документов коллегиальных органов, причём писарям (а возможно, и офицерам) на местах, по-видимому, были известны только журналы Военного совета, служившие основой для некоторых приказов по военному ведомству. Делопроизводство других войсковых коллегиальных органов могло быть известно в действующей армии только фрагментарно. Делается вывод о том, что протокол войскового комитета формируется без единообразного образца, с использованием различающихся у разных протоколистов фоновых знаний о делопроизводстве коллегиальных органов и общей базы в виде делопроизводства единоличной системы управления войсками.

Функции протокола комитета рассматриваются в параграфе 3 *«Протокол войскового комитета как инструмент легитимации»*. Выявлены две основные функции: 1) трансфер постановлений до исполнителей; 2) легитимация комитета. Вторая функция объясняет распространение протоколов по широкому кругу адресатов, у которых, таким образом, запрашивается легитимность на совершение властных действий: 1) строевого начальства; 2) соседних комитетов; 3) личного состава формирования (избирателей). Механизм легитимации комитета посредством протокола состоит из трёх частей: 1) презентация власти посредством протокола заседания, описывающего комитет как властный орган; 2) формирование неравной причастности к власти адресанта и адресатов протокола; 3) представление комитета как единого актора, а не совокупности индивидуально ответственных должностных лиц (обезличивание власти).

В параграфе 4 *«Легитимация войскового комитета как органа самоуправления»* проблема легитимации рассматривается уже не со стороны инструмента (протокола), а со стороны самого процесса легитимации, в котором ключевую роль играет протокол заседания. Запрос на легитимацию у каждого из трёх адресатов обосновывался одним из трёх мифов об источнике и распространении легитимности. Демократический миф называет подлинным носителем легитимности народ. В соответствии с этим мифом войсковые комитеты проводят выборы и пытаются вовлечь личный состав в политические процедуры, инструментом чего является протокол комитета. Корпоративный миф видит носителя легитимности в

корпорации. Протоколы являются также запросом на подтверждение легитимности от корпорации (других комитетов). В войсковых комитетах корпоративный миф тесно связан с ролью культуртрегера, которую берут на себя комитеты в отношении глубинно мудрого, но несознательного народа. Бюрократический миф предполагает делегирование легитимности от начальника подчинённому. Теряя легитимность от личного состава, комитеты обращаются к строевому начальству, но терпят неудачу. Делегирование легитимности на заведомо непопулярные действия командиров приводит только к ещё большему понижению кредита доверия со стороны солдат, а это, в свою очередь, снижает интерес командования к активному сотрудничеству с комитетами. Попытка установления самоуправления в армии терпит неудачу в результате неготовности большей части личного состава к инициативным действиям и неумению меньшинства втянуть большинство в политическую игру.

Исследование в четвёртой главе приходит к следующим выводам. 1) Протоколы войсковых комитетов не имеют предшественника, который использовался бы в качестве устойчивого образца, и создаются с нуля с использованием общего опыта протоколистов в неколлегальном делопроизводстве и разного у разных протоколистов знания о ведении коллегального делопроизводства. 2) Основной функцией протокола комитета, наряду с обеспечением доставки постановлений до непосредственных адресатов, является вовлечение возможно более широкого круга акторов в политическую игру обмена отчётности на легитимность. Комитет нарушает нормальную последовательность действий, в которой отчётность следует за запросом на отчётность, пытаясь распространением протоколов спровоцировать получение запроса на отчётность. 3) Провоцирование делегирования легитимности у двух из трёх адресатов терпит неудачу в силу недостаточной решимости комитетов в выборе источников легитимности, давления государственной власти и неудачной конструкции коммуникации комитетов с основным легитиматором – избирателями.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Структура протоколов войсковых комитетов представляется следующей.

Общая модель протокола задаётся тесной связью протокола и заседания как первичного и вторичного жанров, причём вторичный жанр (протокол) является не более или менее точным отражением первичного (заседания), а результатом жёсткого отбора элементов в соответствии с собственными функциями протокола. Общая

модель в протоколах войсковых комитетов реализуется в две частные модели, различающиеся теми жанрами в составе заседания, к которым отсылает протокол. Протоколы войсковых комитетов характеризуются преобладанием одной частной модели (неречевой) над другой (речевой). Тенденция к распадению текста на изолированные фрагменты речи превалирует в протоколах комитетов над стремлением связному к воспроизведению последовательности речей. Полного распада, однако, не происходит по причине сохранения общей повествовательной оболочки и единства адресанта всех элементов структуры.

Выводы о функциях протокола комитета базируются на выводах о структуре протокола и функциях постановлений как самостоятельных коммуникативных единицах в составе протоколов.

Двойственность структуры протокола, неготовность полностью отказаться от одной модели в пользу другой может быть объяснена только двойственностью функций протокола. Преобладание неречевой модели обусловлено выполнением протоколом функции доставки до исполнителя и сохранения юридически значимого текста постановлений. Для выполнения этой функции, однако, достаточно было бы свести протокол к множеству полностью независимых постановлений, избавившись от повествовательной оболочки и непоследовательного изложения речей выступающих.

Сохранение лишнего, с точки зрения следования первой модели, объёма речи объясняется своеобразной второй функцией протокола. Это функция запрашивания легитимности посредством навязывания отчётности адресату. Правильность гипотезы подтверждается списком адресатов, среди которых распространялись протоколы (личный состав, другие комитеты, строевое начальство). Всё это акторы, от которых комитеты зависели или хотели зависеть в своих действиях.

Широкий круг акторов, у которых комитеты готовы были запрашивать легитимацию своей деятельности, свидетельствует о нехватке легитимности, которую с самого начала своей деятельность испытывали и осознавали члены комитетов. Вместе с тем комитеты никак не могли решиться на окончательный выбор легитиматора и, соответственно, бесповоротное определение своего дальнейшего политического пути. Непоследовательное и тоже нерешительное давление со стороны государственной власти легло на благоприятную почву неготовности комитетов

отстаивать собственную точку зрения и собственные властные отношения, а в большинстве случаев и отсутствия чётко сформулированной точки зрения. В результате комитеты с середины лета 1917 г. полностью соглашались с предложенной им ролью слуги трёх господ, что приводит к краху всей системы комитетов и неудаче попытки установить самоуправление в российской армии.

Самоуправлению в армии не удастся спасти армию, а значит, и само себя. Войсковые комитеты вместе со всеми своими конкурентами в виде рад и военно-революционных комитетов, погибают вместе с гибелью старой армии в начале 1918 г.

К диссертации приложен **Список протоколов комитетов XI армии**. Список состоит из 1287 позиций и включает краткую информацию о протоколах и заседаниях, по итогам которых они составлены, соответствующих критериям отбора, охарактеризованным во введении. Для каждого протокола указываются (если соответствующие свойства присутствуют и известны) дата заседания, оригинальный номер, название комитета, самоназвание источника, председатель, секретарь и число присутствующих на заседании, тип заседания, место архивного хранения и подлинность (для каждого экземпляра), а также имеющиеся публикации.

Основные результаты исследования представлены в 6 печатных работах, в том числе:

в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Мешков А.Н. Протокол заседания как основной документ делопроизводства войсковых комитетов действующей армии 1917–1918 гг. / А.Н. Мешков // Вестник РГТУ. Сер. Ист. науки. – М. : РГТУ, 2011. – № 12. – С. 171–185. (1 п.л.)

– прочие:

2. Мешков А.Н. Динамика состава войсковых комитетов российской армии в 1917 – начале 1918 г. (на примере полкового комитета 15 Шлиссельбургского пехотного полка) / А.Н. Мешков // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2009. – М. : РУДН, 2009. – С. 196–202. (0,5 п.л.)

3. Мешков А.Н. Идентичность без носителя: коммуникативный подход к исследованию идентичностей (на примере анализа протоколов комитетов воинских частей. Апрель–июнь 1917 г.) / А.Н. Мешков // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008. – М. : РУДН, 2008. – С. 179–189. (0,8 п.л.)

4. Мешков А.Н. Источниковедение делопроизводственных источников и теория речевых жанров / А.Н. Мешков // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин : материалы XXII междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г. – М. : РГГУ, 2010. – С. 290–292. (0,1 п.л.)

5. Мешков А.Н. Протокол войскового комитета 1917 г. как средство легитимации / А.Н. Мешков // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2010. – М. : РУДН, 2010. – С. 107–120. (1 п.л.)

6. Мешков А.Н. Протоколы войсковых комитетов российской армии 1917 г. в контексте коммуникативно-дискурсивного подхода к проблематике идентичностей / А.Н. Мешков // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г. : в 2 ч. – М. : РГГУ, 2008. – Ч. II. – С. 459–462. (0,1 п.л.)

Отпечатано в ООО «Компания Спутник+»

ПД № 1-00007 от 26.09.2000 г.

Подписано в печать 09.11.2011

Тираж 100 экз. Усл. п.л. 1,5

Печать авторефератов (495)730-47-74, 778-45-60

